

«Тук-тук-тук», — Чжоу Мань настойчиво забарабанил в дверь.

Послышались тяжелые шаги, и неожиданно нежный, почти деликатный мужской голос спросил из-за преграды:

— Кто там?

— Ли Минь, это я, Чжоу Мань.

Дверь со скрипом распахнулась, и на порог шагнул настоящий великан. Чжоу Мань и сам не был коротышкой, но этот человек возвышался над ним по меньшей мере на целую голову — рост его явно перевалил за метр девяносто. Рельефные, перевитые узлами мышцы бугрились под одеждой, а лицо, суровое и даже свирепое, наводило на мысли о лихом разбойнике. Без улыбки такой мог до смерти напугать любого, да и в усмешке его сквозило что-то пугающе-хищное. Инь Фэйчи, вспомнив тот мягкий голосок, ожидал увидеть субтильного подростка, а столкнулся с... этим.

— Староста! — Ли Минь явно обрадовался Чжоу Маню, но, заметив рядом постороннего, тут же помрачнел. — Заходите, — буркнул он уже нарочито грубым басом.

Инь Фэйчи, видя такую перемену, осторожно покосился на Чжоу Маня и одними губами спросил: «Я его разозлил?»

«Нет, — Чжоу Мань едва заметно качнул головой, пряча улыбку. — Он просто застеснялся».

Инь Фэйчи невольно хмыкнул про себя. Сочетание фигуры-горы и голоса, напоминающего шелест молодой ивы, казалось забавным, но в то же время вызвало искреннее сочувствие.

Ли Минь ввел гостей в дом. Квартирка была крошечной: всего одна комната и прихожая-кухня. В тесной гостиной стояла кровать, а в углу теснились кастрюли, миски и прочая утварь. Хозяин усадил их на бамбуковые стулья, разлил по чашкам воду и то и дело поглядывал на Чжоу Маня, явно не решаясь заговорить при Инь Фэйчи.

Чжоу Мань сделал глоток, смачивая горло, и серьезно произнес:

— Инь Фэйчи живет со мной. Он свой.

От этих слов Ли Минь заметно расслабился. Его грозное лицо исказилось, и он с горечью выдохнул:

— Староста...

Начал — и замолчал. Слова застряли в горле, обида и отчаяние копились внутри, и он не знал, с чего начать.

Чжоу Мань видел, как у этого огромного мужчины покраснели глаза, и сочувственно спросил:

— С распределением так ничего и не решилось?

Ли Минь был единственным сыном в семье, на него возлагали большие надежды, и он не подвел — закончил среднюю школу с отличными оценками. Но судьба сыграла с ним злую шутку: его зачислили в педагогическое училище. Видит бог, как такому громиле работать учителем? От одного его вида дети начнут рыдать! С самого детства сверстники обходили его стороной, попросту боясь, и это само по себе было обидно. Но беда не приходит одна: пока у других мальчишек в переходном возрасте ломались голоса, превращаясь в хриплое карканье, голос Ли Миня остался прежним — тонким и мягким. Это «нежное» звучание стало его проклятием. Не будь он столь явно и внушительно сложен, он бы и сам засомневался в собственной мужественности.

Из-за разительного контраста между внешностью и голосом каждый, с кем он пытался заговорить, смотрел на него как на привидение. На лицах людей читался весь спектр эмоций: от шока и насмешки до презрения. В училище Ли Минь стал затворником, сблизившись только с Чжоу Манем. Староста был единственным, кто относился к нему как к обычному человеку, не пугаясь его габаритов и не высмеивая голос. Когда при выпуске Ли Минь узнал, что Чжоу Мань добровольно подал прошение о возвращении в свою деревню, он едва не последовал за ним. Помешало лишь одно: при распределении рабочих мест фамилию Ли Миня просто «забыли».

Без распределения он не мог стать учителем. А дома ждали больные родители, которым нужны были деньги на жизнь. Ли Минь в отчаянии готов был броситься с крыши. Лишь позже, после долгих расспросов, он узнал правду: его место попросту отдали другому. По негласным правилам системы, вернуть работу было невозможно. Узнав об этом, Ли Минь хотел уже не прыгать с крыши, а убивать. Только вмешательство Чжоу Маня удержало его от непоправимого.

С тех пор прошло два месяца. Снова встретив друга и заговорив о наблевшем, Ли Минь едва сдерживал скупую мужскую слезу.

Чжоу Мань, не дождавшись ответа, понял: тупик.

В прошлой жизни... Чжоу Мань помнил всё слишком отчетливо. Ли Минь был одним из немногих друзей, с кем он сохранил близкие отношения с пятнадцати до сорока лет. Почему их дружба оборвалась в сорок, хотя сам Чжоу Мань прожил до сорока одного?

Потому что Ли Минь... покончил с собой в тот год.

В той, прошлой реальности, Ли Минь так и не смог вернуть работу в городе L. Пошел в армию. После дембеля перебивался случайными заработками: был дружинником, охранником... Они постоянно переписывались. Когда в 2005 году Начальную школу Гуаньцзян закрыли и Чжоу Мань решил искать счастья в большом мире, именно Ли Минь помог ему с первой работой. Позже, когда Чжоу Мань открыл свой завод и позвал друга к себе, Ли Минь внезапно влюбился в какого-то «непризнанного художника» и отправился с ним бродяжничать. Чжоу Мань пытался его образумить, но тот не слушал, а «творец» мертвой хваткой вцепился в Ли Миня, используя его как кошелек. Ради этой призрачной любви Ли Минь бросил всё, разругался с семьей, а в итоге выяснилось, что он заразился СПИДом — любовник втайне вел беспорядочную жизнь и наградил его болезнью. В довершение всего, именно в это время от болезней скончались родители Ли Миня.

«А-Мань, я так жалею. Если бы можно было всё вернуть, я бы никогда не ушел с ним, никогда бы не бросил родителей. Я думал, он единственный, кого не пугает мой вид и голос, думал, он понимает меня... а ему просто нужны были деньги. Спасибо, что приглядел за моими стариками, спасибо, что отговаривал. Моя жизнь — сплошной провал. Мне стыдно оставаться на этом свете, да и нельзя — боюсь заразить кого-нибудь. А-Мань, когда я умру, отвези мой прах в город L. Я хочу домой. А-Мань... я так хочу домой... Хочу маминых фаршированных соевых лепешек...»

Чжоу Мань помнил каждое слово на той предсмертной записи. В его жизни было мало привязанностей, и Ли Минь был тем, о ком он пекся больше всего. Но он не сумел его уберечь — из-за бессилия в юности и излишней мягкости в зрелые годы он позволил другу сделать шаг в бездну, с высоты многоэтажной стройки.

Воспоминания нахлынули волной, горечь и раскаяние сдавили грудь так, что стало трудно дышать. Если бы тогда он смог затянуть Ли Миня в деревню Гуаньцзян... если бы смог помешать тому роману... если бы просто запер его и не пустил бродяжничать...

Внезапно теплое прикосновение вернуло его к реальности. Чжоу Мань вздрогнул и поднял взгляд. Он смотрел на него с искренним сочувствием и теплом, словно утреннее солнце.

— Чжоу Мань, — негромко позвал Инь Фэйчи, сжимая его ладонь, — всё хорошо?

У него были проблемы, но теперь они отступили. Ради того, чтобы исправить все эти ошибки — смерть Ли Миня, гибель близких в деревне Гуаньцзян — он и бросился в тот ливень, погиб под обвалом и возродился. Раз уж память осталась при нем, значит, нужно ценить каждый миг и превратить каждый грамм прошлого раскаяния в счастье этой жизни.

— Всё в порядке, просто задумался, — Чжоу Мань глубоко вздохнул и улыбнулся, не удержавшись и взъерошив волосы на голове Инь Фэйчи. Рядом с этим юношей, перед которым у него не было долгов из прошлой жизни, он всегда чувствовал себя удивительно легко.

— Моя прическа... — пробурчал Инь Фэйчи, но послушно замер, позволяя себя гладить.

Успокоившись, Чжоу Мань обратился к Ли Миню:

— Ли Минь, я пришел к тебе с деловым предложением.

Тот всё еще пребывал в меланхолии, хлюпая носом, но при этих словах так и застыл.

— С де... деловым?

— Да. Я хочу открыть в городе лавку и продавать наши деревенские деликатесы, — пояснил Чжоу Мань. — Дело нужно развивать постепенно, и я не могу доверить его чужаку. Хочешь работать со мной?

В те годы на торговле можно было неплохо заработать, но открытие лавочки в городе казалось делом сомнительным, тем более — не с товарами первой необходимости, а с какими-то «деликатесами». Ли Минь заколебался; вообще-то он подумывал податься в армию.

Чжоу Мань, заметив его сомнения, добавил:

— У меня уже есть четкий план. Тебе не нужно переживать из-за своей внешности или отсутствия опыта. Я всему тебя научу. Капитал я тоже беру на себя. От тебя требуется только не бояться тяжелого труда — поначалу придется по улицам с трехколесной тележкой.
— Он выдержал паузу и с легким вызовом добавил: — Главное, не бойся потерять лицо!

— Да чего мне бояться! — Ли Минь вскочил, заставив пол дрогнуть. — С моим-то ростом!

«Пфф!» — Инь Фэйчи прыснул в кулак. Ли Минь оказался на удивление прост: прямолинейная уловка Чжоу Маня сработала мгновенно.

Чжоу Мань сохранил невозмутимый вид.

— Тогда решено. Обсудим детали. Садись.

— Есть! — Ли Минь послушно плюхнулся на стул, напоминая примерного ученика.

Чжоу Мань указал на большой баул у двери:

— Там два цзиня сушеных линчжи и двадцать цзиней сушеного бамбука. Вот тебе двадцать пять юаней. На эти деньги сначала сходи на рынок, посмотри, почему там продают линчжи и бамбук, возьми партию оптом. Сейчас сушеный бамбук стоит около семи мао за цзинь —

возьми десять цзиней. Линчжи дороже, около тринадцати юаней за цзинь, купи пол-цзиня, старайся выбирать экземпляры поменьше. На оставшиеся деньги купи трехколесную тележку, два алюминиевых чайника литров по десять, стаканы и две жаровни. Когда выйдешь торговать, кипяти воду прямо на месте. В одном чайнике вари наш линчжи, в другом — покупной. На тележке сделай вывеску: «Деликатесы из деревни Гуаньцзян», а ниже припиши: «Отвар линчжи, сушеный линчжи, бамбуковые побеги». Для отвара выбирай самые мелкие грибы; те, что больше двух сантиметров в диаметре, режь пополам или мельче. На десять литров воды клади половину лян линчжи.

Ли Минь усердно кивал на каждое слово.

— А цены какие ставить?

— Наш линчжи — по тридцать юаней за цзинь, бамбук — по два юаня. Покупные — пятнадцать юаней и один юань соответственно. стакан отвара из нашего линчжи — десять фэней, из рыночного — пять фэней.

Ли Минь быстро записывал цифры, а потом озадаченно поднял голову:

— Староста, а зачем вообще наш продавать, если можно просто перепродавать рыночный? Много ли ты сможешь привезти из деревни на своем горбу?

— Да как ты не понимаешь! — не выдержал Инь Фэйчи. — Чжоу Мань хочет продвинуть товары именно нашей деревни, а рыночные нужны только для сравнения. Когда покупатель подойдет к тележке, он первым делом спросит: «Почем ваш линчжи?» Ты ответишь: «Тридцать». Он возмутится, мол, дорого! А ты ему: «Есть и подешевле, но от них толку меньше». Он не поверит — тут-то ты и нальешь ему попробовать два разных отвара. А если он заподозрит подвох... то ты... ты...

Инь Фэйчи запнулся. Как наследник древней школы, он едва не предложил Ли Миню поклясться именем секты.

— А если заподозрит, — подхватил Чжоу Мань, погладив юношу по голове, — покажи ему паспорт и предложи вызвать полицию, если он считает, что его обманывают. Ли Минь, сейчас люди еще не помешаны на «экологии», так что бери упор на лечебный эффект. Но всегда подчеркивай: всё из деревни Гуаньцзян — чистейшее, никакой химии. Пройдет пара лет, и люди будут искать именно нашу марку, напрочь забыв о других поставщиках.

— Пару лет? — Ли Минь нахмурился. — Откуда такая уверенность?

Чжоу Мань решил, что друг боится долгой раскачки, и, желая уберечь его от судьбы вечного охранника, добавил:

— Поверь мне, Ли Минь. К следующей весне мы заработаем на полноценный магазин.

— На целый магазин! — Ли Минь ахнул, а потом сконфуженно пробормотал: — Староста, я не к тому, что долго... просто любопытно, как ты это всё видишь. Ладно, неважно! Буду продавать так, что за ушами затрещит!

«И сделаем имя деревни Гуаньцзян легендарным», — добавил про себя Чжоу Мань. Они обсудили еще несколько мелочей, Инь Фэйчи тоже вставил пару замечаний. Разговор затянулся до самого вечера, когда Чжоу Мань, наконец, поднялся.

— Нам пора.

— Сейчас? — Ли Минь попытался их удержать. — Пока доберетесь до поселка, солнце уже сядет.

— Не беспокойся, — Чжоу Мань многозначительно улыбнулся. — У тех, кто торгует дарами гор, есть свои секреты. По крайней мере, насчет дороги можешь не переживать.

Ли Минь посмотрел на гору вещей в углу, вспомнил, во сколько эти двое постучались к нему утром, прикинул расстояние... и застыл.

«Получается... они добрались сюда быстрее любого автобуса?!»

Чжоу Мань переглянулся с Инь Фэйчи и, не сговариваясь, они направились к выходу, оставив ошеломленного великана смотреть им вслед.

<http://bllate.org/book/17459/1695063>